

УДК 321.01:947.084.2

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ В.В. ШУЛЬГИНА

Д.И. БАБКОВ

*Брянская государственная
инженерно-технологическая
академия*

e-mail: bilord@mail.ru

Тема определения формы территориального сожительства народов Российской Империи остро встала после её краха в 1917 г. Этот вопрос затрагивал проблемы сохранения целостности страны и определения роли и места русского народа как носителя государственности и его взаимоотношений с «окраинными» народами. Одним из тех, кто активно занимался разработкой национальной темы, в том числе и её территориального аспекта, был русский политик Василий Витальевич Шульгин. Его позиция по данным проблемам представляет интерес не только потому, что она отражала настроения умеренно-консервативной части общества России, но и по той причине, что она стала основой государственного строительства правительства генерала А.И. Деникина на освобождённом в 1919 г. от большевиков «белом» Юге.

Ключевые слова: Россия, В.В. Шульгин, территориальное устройство, самоопределение народов, автономия, федерация, столица.

После Февральской революции на окраинах Российской Империи активизировались сепаратистские движения, которые грозили развалить государство. В.В. Шульгин болезненно переживал этот процесс. Уже в апреле 1917 г. он отмечал, что страна вернулась на зарю своей истории: «Уличные веча решают дела, и мы неуклонно идём к тому, чтобы разбиться на уделы». «Результаты могут быть ужасны», – предостерегал Шульгин¹. Однако он надеялся, что не всё ещё потеряно: «Во всей картине отрадно одно: все «комбинации», которые только можно изобрести, мы проделываем разом. Когда весь этот бред пройдёт, Россия, если выживет, получит прививку от всех «прожектов»»².

На рубеже 1917 – 1918 гг. Россия всё ещё находилась в состоянии войны со странами Тройственного союза, которые не скрывали своих планов её раздела. Шульгин обращал внимание на то, что революционная формула «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» применяется только к России. Отторжение русских территорий «не считается «аннексией» в том случае, если это отторжение производится во имя «самоопределения народностей»». Так сделали с Польшей. Но в тоже время никто не потребовал у Германии Познани, а у Австрии – Краковщины, населённых преимущественно поляками. Шульгин делал вывод, что эта формула «сфабрикована в Берлине» и будет применяться так: «аннексии и самоопределение – для России; без аннексий и без самоопределения – для Германии»³. Потому он считал, что пропагандировать эту идею до окончания войны преждевременно⁴. Подтверждением аннексионных планов Германской и Австро-венгерской империй в отношении России для Шульгина было и «приглашение» властями Украинской народной республики армий этих государств для «защиты» от Советской России. Шульгин был уверен, что «украинцы», под которыми он понимал сторонников отделения Украины от России, всего лишь выполнили «давно задуманный план:

¹ Шульгин В. [Передовая статья] // Киевлянин. 1917. 21 апреля. С. 1.

² Там же. 26 ноября. С. 1.

³ Шульгин В. Осёлк // Киевлянин. 1917. 30 ноября. С. 1.

⁴ Шульгин В. [Передовая статья] // Киевлянин. 1917. 24 апреля. С. 1.

найти предлог для немецкой оккупации Южной России». Именно с этой целью и «была инсценирована «война украинцев с большевиками»»⁵.

После прихода австро-немецких войск в Киев Шульгин остался верным «союзническому долгу». Осуждая переориентацию киевских кадетов и П.Н. Милюкова на Германию, он считал, что «цена, за которую ... допустим переход на сторону немцев – это единство России, невозможное без монарха»⁶. Но Германия «создала» и аннексировала Украину, а восстановление монархии немецкими руками Шульгин почитал национальной катастрофой, потому на сотрудничество с немцами не пошёл. Не мог он «поклониться» и большевикам с украинцами, которые для него были «суть не более как продолжение немецких армий», их вспомогательные отряды⁷. Для него выбор «политической ориентации» лежал в несколько иной плоскости: «Я отлично понимал, что «Единую Неделимую» надо защищать или активно или пассивно». Но ждать, когда «испытыв на своей шкуре блаженство «самостийности», мудрецы всех племён полезли бы «под высокую руку Белого Царя»», он не мог. Поэтому присоединился к тем, кто выбрал борьбу: «Мы хотели избавить иноплеменных ишаков и, прежде всего, наших родных русских ослов от необходимости достучиваться до всего собственными лбами, хорошо зная, что при этой жестокой науке, несчётное количество лбов разобьётся, а «шестая часть суши» обратится в исполинское ишако-ослиное кладбище... Вот почему мы взялись за винтовку. Мы надеялись перебить взбесившихся, чтобы спасти остальных...»⁸. Шульгин полностью поддержал единственный конкретный лозунг Добровольческой Армии и тоже считал, что её главной задачей является «восстановление независимой и единой России»⁹.

Но ещё в январе 1919 г. Шульгин отметил, что большевики пытаются перехватить у добровольцев лозунг «Единая Россия»¹⁰. Через год он смог убедиться в этом, когда со своими товарищами оказался в расположении дивизии Г.И. Котовского и разговорился с одним из «офицеров», который высказывался против Петлюры. На вопрос: «Отчего так?» человек «весь в кожаном» ответил: «Да ведь он самостийник». «А вы?» – уточнил Шульгин. «Мы... мы за «Единую Неделимую»», – ответил собеседник. У Шульгина, как он выразился, «глаза полезли на лоб», т.к. оказалось, что и «белые» и «красные» воевали за одно и то же¹¹. То есть, зная «Единой России фактически подняли большевики». Хотя они и продолжали «трубить Интернационал», но он «...оказался орудием... расширения территории... для власти, сидящей в Москве. ... И теперь очевидно стало, что, кто сидит в Москве, ... принужден ... собирать воедино русские земли. «Против воли моей, против воли твоей...»»¹². Ведь «Красным, только *кажется*, что они сражаются во славу «Интернационала»... На самом же деле, хотя и *бессознательно* (выделено Шульгиным – Д.Б.), они льют кровь только для того, чтобы восстановить «Богохранимую Державу Российскую»». Шульгин даже отдавал на откуп большевикам вопрос о внешних границах России и заявлял, что расширение территории будет продолжаться «до твёрдых пределов, где начнётся крепкое сопротивление других государственных организмов... Это и будут естественные границы Будущей России... Интернационал «смоется», а границы останутся...»¹³.

⁵ Шульгин В. Зачем? // Россия. 1919. 24 (11) января. С. 1. Не только «украинцев», но и эсеров с социал-демократами, управлявших центральной Россией в 1917 – 1918 гг., Шульгин считал проводниками немецких замыслов. Они, по его словам, «взяв из наших рук (речь идёт о Прогрессивном блоке Госдумы – Д.Б.) грозную десятиmillionную Армию, снабжённую так, как она никогда снабжена не была, уничтожили эту Армию», отдали Германии снаряды и «лучшую половину Европейской России». (См.: Шульгин В. Старое и новое // Россия. 1918. 11 (24) сентября. С. 1).

⁶ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 130. Л. 3. Сведения осведомительного отделения при Главкоме ВСЮР.

⁷ Шульгин В. Вермишель // Россия. 1919. 26 (13) января. С. 1.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 7. Шульгин В.В. Интервенция (1919 год).

⁹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 14. Л. 27 об. Шульгин В.В. Задача Добровольческой Армии. Октябрь 1918 г.

¹⁰ Шульгин В. Областные автономии // Россия. 1919. 5 февраля (23) января. С. 1.

¹¹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 372.

¹² Там же. С. 516.

¹³ Шульгин В. Белые мысли (Под Новый Год) // Русская Мысль. 1921. Книги I и II. С. 41.

Такие предположения отнюдь не примирили Шульгина с большевиками. Потому что они не отказались от тезиса «самоопределения» народов, всячески поддерживали «украинскую идею», то есть мысль о существовании отдельного от русского украинского народа и государства Украина и проводили «по-большевистски» украинизацию Юга России. Шульгин был уверен, что большевики заимствовали «независимую украинскую республику» у германского генерального штаба, с которым были связаны. После освобождения от немецкого влияния, им было бы выгодно «восстановить единую неделимую страну», но они «очень надеялись тогда на мировую революцию. С этой точки зрения всякие «национальные республики», которые «добровольно» вошли в СССР – были весьма удобны». Большевики рассчитывали, что в СССР войдут все страны мира. Однако, как замечал в 1939 г. Шульгин, эти «пышные расчёты рухнули» и по логике государству «Украина» должен был бы придти конец, но тут ««Украинской республике» на помощь пришло некое весьма занимательное психологическое состояние диктаторствующего Сталина», которому понравилась оперетка «с переодеванием в национальные костюмы». «Приятно быть не ограниченным повелителем и одной страны, но куда величественнее стоять во главе *одинадцати государств* (везде выделено Шульгиным – Д.Б.)¹⁴. Очень болезненно в своё время Шульгин воспринял и утверждение названия СССР. Для него это было равносильно уничтожению самого имени «Россия»: «Вместо векового Дуба, чьи тысячи тысяч листьев шелестели слишком знакомое, но никогда достаточно не понятое, таинственно звучащее слово «Россия», стоит посреди голой чёрной степи кровавая плаха, а на ней подпись: С.С.С.Р.»¹⁵.

В 1920-е гг. по отношению «отколовшимся» от России «Латвиям, Литвам, Грузиям и прочим», Шульгин внешне демонстрировал пренебрежение. Отвечая незримому собеседнику на вопрос о том, что он думает о независимой Литве, он съязвил: «Ах, Боже мой. Тоже, что и о других. Vivat, crescat, floreat!» Если Литва **желает и может быть** (выделено Шульгиным – Д.Б.) самостоятельной, благослови её Господь. В этнографических пределах разумеется. Там где живёт русское население, там будет Россия, конечно... А если найдутся литовцы – там пусть будет Литва, даже Великая Литва, – это теперь в моде. Lituania Magna! Чем это звучит хуже, чем Великая Латвия, или Колоссальная Грузия или Исполинский Азербейджан, или Ни с чем Неизмеримая Армения. Всем им желаю «благословенного и мирного жития и во всём благого поспешения, на враги же победы и одоления». Однако он был уверен, что самостоятельное бытие этих лимитрофов будет непродолжительным и призывал Россию подождать, когда эти «державы» сами попросятся обратно. И «тогда вместо федерации пожаловать их «широкой автономией». Пожалуй, только с Польшей – «французской эманацией» и Финляндией, которой пожелал «всякого благополучия», он соглашался расстаться¹⁶. Формально признавая самостоятельность Польши, Шульгин тем не менее хотел привязать её к России. Так, он предложил воскресить «ягеллоновскую» идею единства Польши, Руси и Литвы, но в виде союза независимых государств, так как «инкорпорирование Польши, Литвы и России в одно государство не может решить вопроса». Союз России нужен, чтобы прекратилась «вечная польская интрига, направленная к расчленению русского народа ... путём противопоставления Руси Архангела Михаила (Малороссии – Д.Б.) – России Георгия Победоносца (Великороссии – Д.Б.)». Литва в результате получит «устойчивость в самостоятельности». А Польша – рынок сбыта для своих товаров¹⁷. Шульгин считал, что имелись объективные условия для «добрых отношений и взаимной помощи» между

¹⁴ Шульгин В.В. Украинствующие и Мы! Белград, 1939. С. 20-21.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 30. Л. 30-31. Шульгин В. С.С.С.Р. // Новое Время. 1924. 6 марта.

* «Да здравствует, умножается и процветает!» (лат.).

¹⁶ Шульгин В. Нечто фантастическое. София, 1922. С. 25-28.

¹⁷ Шульгин В. Польша, Русь и Литва. По поводу корреспонденции Б. Суворина // Возрождение. 1927. 28 января. С. 2.

Польшей и Россией¹⁸. Но видел и почву для разногласий – Восточная Галиция, на которую претендует обе страны¹⁹. Но он надеялся, что галичане «вспомнят, что они от века были и называли себя «русскими», и будут тяготеть к России во имя объединения всех русских земель». А Польша «сама откажется в пользу России от своих прав на Львов», что позволит избежать выгодной только Германии войны Польши с Россией за Галицию²⁰.

Шульгин всегда резко выступал против попыток разделения России. Так, в 1919 г. в Одессе он даже вступил в конфликт с французскими интервентами, которых сам звал в Россию, из-за того, что те начали переговоры с петлюровцами и фактически поддержали идею «самостийной Украины». В редактировавшейся Шульгиным газете «Россия» было опубликовано несколько статей, осуждавших политику французского командования, в результате чего газета была французами закрыта²¹. В 1927 г. он предостерегал европейцев от соблазна помочь России освободиться от большевиков ценой её раздела. Он не хотел, чтобы искусственно создавались предпосылки для возможной новой мировой войны. Так как «пройдут года. Русский национализм ... потребует возвращения оторванных от России «Босний, Герцеговин, Эльзасов, Лотарингий»...»²². В 1938 г. после аншлуса Третьим Рейхом Австрии в среде русской эмиграции возникли разговоры о том, что Гитлер так может и Украину отобрать. Одни, кому была дорога идея «великого русского государства», испугались. Украинцы обрадовались. Обрадовались и те, кто считал, что «всякое освобождение всякой пяди русской земли от большевиков – есть благо!». Шульгин утверждал, что «если бы фюрер «отобрал Украину», то это было бы не тоже, что с Австрией. Не только «не тоже», но «совсем наоборот»» (выделено Шульгиным – Д.Б.). В этом случае Гитлер не воссоединит Север с Югом (Австрия и Германия), а оторвёт юг от севера. Но если всё же Гитлер собрался бы «отбирать» юг России, то Шульгин категорично заявил: «К сему деянию я причастен ни в каком случае не буду; и штемпеля своего к сему акту не приложу»²³.

Шульгин всю жизнь оставался убеждённым противником сепаратизма и сторонником «Единой Неразделённой России»²⁴. Он предрекал, что в случае распада России народы, её населявшие, «вечно будут пребывать в состоянии взаимной вражды и грызни...». А все их «духовные силы будут уходить на неблагоприятную задачу: убедить мир в величии ничтожности»²⁵. Разделение России на республики и образование договорного союза Шульгин считал временным явлением²⁶. Он отрицал федерацию, как основу образования государства. «Это, по-моему, для России нелепая идея», – добавлял Шульгин. Пожалуй, только одну особенность федеративного устройства он полагал имеющей «большое значение» для России: «...представительство в Центральном Законодательном Учреждении областей», которое реализуется через прямое делегирование областными думами своих депутатов в общероссийский парламент²⁷.

Однако было бы ошибкой считать Шульгина сторонником классического унитаризма. Он стоял на позиции сочетания централизации и децентрализации, которая

¹⁸ Шульгин В. [Передовая статья] // Киевлянин. 1917. 31 октября. С. 1.

¹⁹ Шульгин В. Осёлок. II // Киевлянин. 1917. 1 декабря. С. 1.

²⁰ Шульгин В. Королевство Русское // Киевлянин. 1919. 22 октября. С. 1.

²¹ См.: Шульгин В. [Передовая статья] // От редакции газеты Россия. [1919. 28 января (10 февраля)]. [С. 1]; ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 29. Л. 8. Политический обзор о положении на юге и юго-востоке России. 6 февраля 1919 г.; ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 38. Л. 10. Н.С. фон Р. 1919 год. Совершенно личные впечатления. Одесса (В период оккупации французами); ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 97-101. Шульгин В.В. Интервенция (1919 год).

²² Шульгин В. Вещие слова // Возрождение. 1927. 6 мая. С. 2.

²³ Шульгин В.В. Аншлусс и мы! Белград, 1938. С. 7-8.

²⁴ Шульгин В.В. Украинствующие и Мы! С. 31.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 24. Л. 10 об-11. Шульгин В.В. Интернационал.

²⁶ Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991. С. 207, 294.

²⁷ Шульгин В. Нечто фантастическое. С. 15.

сформировалась ещё до революции 1917 г. Так, в программе Клуба русских националистов г. Киева, в который входил и Шульгин, было записано: «Сочетать принцип необходимой децентрализации и удовлетворения местных особенностей с сохранением достаточной и крепкой связи между различными частями государства – одна из важнейших задач русского национализма...»²⁸. Ему импонировала идея областных автономий: «Мысль об областных автономиях, по-видимому, есть то здоровое зерно, которое останется, когда всякая самостийная и федеративная шелуха ... исчезнет...»²⁹. Правда, с поправкой на «украинский вопрос». Он указывал, что цель всех украинских затей «под каким бы они соусом не подносились, хотя бы даже в виде федерации, или автономии» – нанести удар по территориальной целостности России. А поэтому, вопросами автономизации должны заниматься только «русские партии, твёрдо стоящие на принципе единства России»³⁰. При этом Шульгин заявлял, что всегда был против «унификаторской политики, которая насильственно стирает местные особенности». И, несмотря на то, что отстаивал идею единого русского народа, состоящего из трёх племён, признавал определённые различия между великороссами, белорусами и малороссами³¹. Правда, для времён имперских «чистый» централизм он признавал благом: «Центральная власть настолько шла впереди своего населения в смысле образования и культуры, что местные автономии являлись только тормозом ... для распространения на всём пространстве Империи ... знаний...». Но после революционной эпохи и восстановления русской национальной власти всё изменится: «Вместо одного центра, царящего над всей Россией, ... возникнет целый ряд очагов культуры ... на местах»³². Шульгин постоянно подчёркивал, что он был и оставался убеждённым сторонником «областной самобытности и широкой децентрализации...»³³ и всегда осознавал необходимость краевого самоуправления³⁴.

Решение этих задач у Шульгина было тесно связано с так называемой «украинской проблемой», обострившейся весной 1917 г. Тогда «украинцы – самостийники», не решавшиеся пока открыто заявить о разрыве с Россией, подняли вопрос об автономии «Украины». В это же время по инициативе В.В. Шульгина и А.И. Савенко в Петрограде состоялось несколько частных совещаний депутатов Госдумы от южных губерний России, зачисленных сепаратистами в Украину. На них инициаторами совещаний «в противовес нелепой «всеукраинской» затее была предложена схема областных автономий»³⁵. Конкретно Шульгин предлагал вместо прежнего губернского деления образовать области Киевскую, Одесскую, Харьковскую и Екатеринославскую³⁶; ликвидировать губернские земства; передать областным собраниям целый ряд дел, которыми ранее занималась Госдума. У депутатов предложения «встретили сочувствие». Эта же идея затем была включена в программу Внепартийного блока русских избирателей Киевской губернии, созданного по инициативе Шульгина в июле 1917 г. для участия в различных выборах, а также в «наказ» будущим членам Всероссийского Учредительного Собрания от Киевской губернии. В 1918 – 1919 гг. Шуль-

²⁸ Шульгин В. [Передовая статья] // Киевлянин. 1917. 17 мая. С. 1.

²⁹ Шульгин В. Областные автономии // Россия. 1919. 5 февраля (23) января. С. 1.

³⁰ Там же. 29 (16) января. С. 1.

³¹ Шульгин В.В. Малая Русь // Малая Русь. Выпуск первый. Киев, 1918. С. 5.

³² Шульгин В. Возвращается ветер на круги своя // Возрождение. 1927. 21 января. С. 3.

³³ Шульгин В. Матушка Русь // Возрождение. 1927. 18 февраля. С. 3.

³⁴ Шульгин В.В. Аншлусс и мы! С. 16.

³⁵ Шульгин В. Областные автономии // Россия. 1919. 29 (16) января. С. 1.

³⁶ Считая губернии случайным и произвольным делением России, он полагал, что их следует «заменить областями, т.е. такими единицами, которые представлялись бы цельными по целому ряду жизненных признаков». (См.: Шульгин В. [Передовая статья] // Киевлянин. 1917. 17 мая. С. 1). Идею об изменении административно-территориального деления России, в том числе и о замене губерний более крупными областями, высказывал не только Шульгин. Была целая литература по этому вопросу. (См.: Билимович А.Д. Очерки хозяйственной географии Южной Руси (продолжение) // Малая Русь. Выпуск третий. Киев, 1918. С. 16-28; Шульгин В. Областные автономии // Россия. 1919. 5 февраля (23 января). С. 1).

гин проводил план областной автономизации в Киевском национальном центре и Южно-русском национальном центре, созданном при его участии в Одессе³⁷.

Волею обстоятельств частичное воплощение идеи автономизации совершилось в Одессе зимой 1918 – 1919 гг., где Шульгин оказался после совещания в Яссах. Город, оказавшийся стараниями французского консула Энно, Шульгина и генерала А.Н. Гришина-Алмазова в руках добровольцев, был отрезан от Добровольческой Армии, находившейся на Кубани. Невольно пришлось осуществлять политику «областного сепаратизма». Екатеринодар с недоверием относился к этой инициативе, хотя Шульгин всячески проталкивал мысль ориентации на императорский Рим, который «держался на системе наместников». В итоге командование Добармии признало идею правильной и прислало «своего «главноначальствующего», наделённого самыми широкими правами». Составленный Шульгиным при участии М.И. Бернацкого проект положения об управлении Одессой впоследствии стал «прототипом для областей Харьковской, Киевской, Одесской...»³⁸.

Доработка проекта была осуществлена в «Подготовительной по национальным делам комиссии» при Особом Совещании, учреждённой тогда же в Одессе по инициативе Шульгина. Плод работы – труд профессора А.Д. Билимовича, зятя Шульгина, «Деление Южной России на области», был взят командованием Добровольческой Армии за основу, когда потребовалось организовывать управление Югом России³⁹. 25 августа 1919 г. (ст. ст.) генерал Деникин утвердил проект образования трёх областей: Киевской, Новороссийской и Харьковской, а также «Временное положение о Главном управлении областью Новороссийскою». Согласно проекту в Киевскую область должны были войти Киевская, Подольская, Волынская, часть Полтавской и часть Черниговской губернии. В Одесскую – Херсонская и Таврическая. В Харьковскую – часть Полтавской, часть Курской, часть Воронежской, Харьковская, Екатеринославская губернии. Во главе каждой были поставлены генерал-губернаторы «с большими полномочиями». Было выработано и «Положение о Главноначальствующем». При каждом «наместнике» создавался областной совет из представителей ведомств. После «успокоения» планировалось образовать представительные учреждения⁴⁰. Для детальной разработки вопроса Особым Совещанием при Главнокомандующем ВСЮР была образована комиссия под председательством начальника Управления внутренних дел В.П. Носовича. В неё были приглашены В.В. Шульгин, А.Д. Билимович, А.И. Савенко и В.М. Левитский. Перед комиссией поставили задачу определить состав каждой области. Но вся её работа ограничилась только южной Россией, где было решено изменить границы и число губерний с 9 до 14. Для остальной страны не было сделано ничего. Как позднее писал Шульгин: «Мне казалось, что это дело москвичей. Но, хотя окружение Деникина сочувствовало этой мысли, никто реально ничего не делал. Может быть, они предчувствовали бессознательно, что это ни к чему»⁴¹.

Однако Шульгин предполагал, что если бы ««царь Антон» дошёл бы до Москвы, то ... вся Российская держава была бы разделена на области», а управление приобрело бы ту форму, за которую он выступал⁴². Шульгин считал, что «мы к этому рано или поздно придём. Россия должна быть расчерчена на области, которые получат

³⁷ Основы организации управления Южной России // Киевлянин. 1919. 22 августа. С. 2; ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 139. Шульгин В.В. Киев под добровольцами (1919 год).

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 31. Л. 202 об-205. Шульгин В. 1919 год. Интервенция. Консул Энно // Русская Газета. 1924. 17 октября; Он же. 1919 год. Интервенция. Диктатор // Русская Газета. 1924. 26 октября; ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 139. Шульгин В.В. Киев под добровольцами (1919 год).

³⁹ Основы организации управления Южной России // Киевлянин. 1919. 22 августа. С. 2.

⁴⁰ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооружёнными Силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. С. 570-573.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 139-140. Шульгин В.В. Киев под добровольцами (1919 год); Шульгин В. Игра в министры // Киевлянин. 1919. 23 августа. С. 1.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 29. Л. 16. Шульгин В. В отпуску. VIII // Новое Время. 1924. Июль.

значительные права при очень сильной Центральной власти»⁴³. Создание областей со своими органами управления и с правом распоряжения большей частью местного бюджета должно было удовлетворить «сепаратистские» устремления окраин и разгрузить центральные органы власти от «периферийных» вопросов⁴⁴. В «постбольшевистском» периоде восстановления России в плане территориального устройства Шульгин выделял два этапа. Первый – «**децентрализации административной**» – повторял управление югом России в период Гражданской войны, когда вся власть в областях принадлежала наместникам. «Не забывайте, – писал Шульгин, – что мы будем иметь дело со страной совершенно разорённой, где средства и пути сообщения доведены до минимума, между тем известно, что **«централизация есть функция средств и путей сообщения»**»*. Полномочия наместников должны были «колебаться, в зависимости от наместничества». На втором этапе значительная доля полномочий переходит к областным представительным учреждениям, которые и осуществляют управление краем. При этом, все права местными автономиями «должны быть получены **сверху** (везде выделено Шульгиным – Д.Б.) ... в силу решения Единой Всероссийской Власти»⁴⁵. Таковой Шульгин предпочёл бы видеть монархию, ибо до революции в России «именно «Царизм», т.е. Монархия, а не Республика, могли обеспечить спокойное существование окраинных государств и истинное самоуправление внутренних областей»⁴⁶. А созданная усилиями русского народа империя, «давала сто семидесяти миллионному народу жить и дышать»⁴⁷. Подтверждением тезиса о преимуществе монархии и империи перед республикой и федерацией для Шульгина выступала и Великобритания, «которая мудро решает вопросы, как доминиальные, так и внутренние». В то время как перед Советской Россией «дрожат лимитрофы», а «внутренние ... области» её ненавидят⁴⁸.

Вышеозначенную схему территориальной организации власти Шульгин полагал применимой и для бывших окраин Империи, которые «побывали» самостоятельными государствами, если бы те вновь решили войти в состав России. То есть, если «в этнографической России будут ... области: Петроградская, Московская, Киевская, Харьковская, Одесская, – здесь будут области: Литовская, Латышская, Грузинская». Но в созданных там представительных органах наряду с русским обязательно должен был использоваться и национальный язык. В казачьих же областях, поскольку за время революции и Гражданской войны «казаки не растеряли своего векового устройства ... период административной децентрализации ... не нужен. Казачество сразу перейдёт ко второму периоду. Казачьи области будут управляться «крутами» и «радами»». Кроме того, казачьим областям Шульгин «по естественному праву, освящённому веками», позволял «иметь своё собственное войско, чего не будет, конечно, в остальных областях»⁴⁹.

Что касается количества областей, то, по Шульгину, на всю Россию их выходило всего десять. Они в свою очередь делились на несколько сот уездов. Ориентиром для отнесения конкретной территории к той или иной области должны были стать «некоторые центры, экономические, умственные и географические».

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 140. Шульгин В.В. Киев под добровольцами (1919 год).

⁴⁴ Шульгин В. Областные автономии // Россия. 1919. 29 (16) января. С. 1.

* В январе 1919 г. Шульгин, обосновывая необходимость областных автономий, писал: «Это вполне понятно. *Степень централизма, допускаемого жизнью, прямо пропорциональна путям и средствам сообщения* (выделено Шульгиным – Д.Б.)». Он указывал, что и правительства Деникина и Колчака обладают «автономией». И проводя параллели между властью Деникина-Колчака и взаимоотношениями Восточной и Западной Римскими империями, отмечал, что если Рим переживал всё это в период распада, то «мы наоборот». (См.: Шульгин В. Областные автономии // Россия. 1919. 5 февраля (23 января). С. 1).

⁴⁵ Шульгин В. Нечто фантастическое. С. 11-13, 15.

⁴⁶ Шульгин В. Удивительное // Возрождение. 1927. 1 июня. С. 2.

⁴⁷ Шульгин В. Старое и новое // Россия. 1918. 11 (24) сентября. С. 1

⁴⁸ Шульгин В. Удивительное // Возрождение. 1927. 1 июня. С. 2.

⁴⁹ Шульгин В. Нечто фантастическое. С. 13, 28.

То есть «большие города ... к каковым ... тяготеют материально и духовно лежащие вокруг области»⁵⁰.

Шульгин озаботился и выбором новой столицы России. Для этой необычной идеи он приводил различные обоснования. Так, согласно Шульгину, для развития русского народа и российской государственности в своё время имело важное значение основание Петром I Санкт-Петербурга. После воссоединения Малороссии и Великороссии «непременно должно было родиться «нечто третье», что не было бы ни древний Киев, находившийся в состоянии упадка, но хранивший варяжские традиции русского западничества; ни Москва, набравшая силы, но носившая на глазах повязку из чисто московских, «сепаратистических» от остального мира предрассудков...». Этим «третьим» и стал град Петра. Но с тех пор, «как Петроград деградировал из ранга столицы, каковой опять стала Москва, история попятилась назад; а враждебные русскому народу силы стали неистово работать над его разделением». Поэтому для продолжения работы, начатой Петербургом, для преодоления сепаратизма Киева и Москвы, нужен новый центр, который объединит культуры обеих половинок России⁵¹.

Однако, как считал Шульгин, Пётр выбрал место для основания своей столицы на берегах Балтики вынужденно. «Рассудок ясно говорил ему о благословенном Юге». Но пробиться к «Русскому морю» тот не смог. «Эта ошибка не была исправлена и в последующие царствования». Но коммунистический период «вызвал падение Петербурга». Сомневался Шульгин, что и последующая за большевиками эпоха «воскресит его в качестве столицы», так как «столица расположенная на самой границе государства – вещь мало соблазнительная». «Новый период русской истории, который должен наступить после большевиков, быть может, начнётся с переноса столицы в новое место», – полагал Шульгин. Основать новую столицу он предлагал «где-то на южном плёсе Волги ... или в ином месте», но в любом случае «на юге»⁵². В качестве варианта местоположения столицы Шульгин предлагал и Крым. Потому что, «во-первых, климат прекрасный, а во-вторых, там будет гигантская лаборатория», вырабатывающая атомную энергию и питающая ею всю страну⁵³.

Петербург не устраивал Шульгина не только местоположением. Главной причиной являлось ... большое скопление промышленных предприятий. Он писал: «Промышленность и Столица – две вещи, которые отнюдь не следует соединять. Высший правительственный центр ... не должен находиться в плену у больших городов ... чтобы на свободу действий будущих правительств давили те или иные скопища ... Как раз наоборот, мозг и воля страны должны быть поставлены в условия наибольшей физической безопасности и моральной независимости». Столицу «должен окружать не лес фабричных труб, а настоящие леса, вернее сказать, сады». Здесь не должно быть не только фабрик и заводов, но и университетов и, как следствие, толпы. Число жителей – 100 тысяч. «Так как *«управлять, это значит предвидеть»* (выделено Шульгиным – Д.Б.), то всё в этом городе должно быть направлено на то, чтобы обеспечить возможность спокойно думать об основных нуждах страны...». Шульгин предлагал брать пример с США, сосредоточивших правительственные и законодательные учреждения в «тихом и мирном Вашингтоне...». Так же поступила и Австралия.

Новой столице Шульгин хотел дать необычное название – «Ставка». Объяснял он свой выбор тем, что это слово стало привычным для России за время Мировой войны, так как в ставке Верховного главнокомандующего сосредотачивалась «настоящая жизнь страны». «Во всяком случае, – пояснял Шульгин, – слово Ставка ри-

⁵⁰ Шульгин В. Нечто фантастическое. С. 6, 10. Здесь же, несмотря на то, что Шульгин планировал ликвидировать губернии, он, видимо в силу привычки упоминает о 50 губернаторах, которые требуются ему для управления страной помимо 10 наместников, которые должны были возглавить области.

⁵¹ Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 91-93.

⁵² Шульгин В. Четвёртая столица. *Quasi una fantasia* // Возрождение. 1927. 21 мая. С. 3.

⁵³ Шульгин В.В. Нечто без окончания. София, 1925. С. 13-14.

сует столицу, действующую в ударном порядке, преследующую цели безотложные, в условиях полувоенной стремительности. Таким и должен быть период кипучего возрождения после эпохи великих разрушений»⁵⁴.

PROBLEMS OF TERRITORIAL REORGANIZATION OF POSTREVOLUTIONARY RUSSIA IN THE IDEOLOGY OF V.V. SHOULGIN

D.I. BABKOV

*Bryansk State
Engineering-Technological
Academy*

e-mail: bilord@mail.ru

The question of what form of the national territorial cohabitation in the Russian Empire had to be established became important after its collapse in 1917. This question touched upon the problem of preserving the entirety of the country as well as the definition of the role and the place of Russians being the bearers of the national identity and their relations with peripheral people. One of those who actively developed the national theme and particularly its territorial aspect was the Russian politician Vasily Vitalievich Shoulgin. His point of view on this problem is of particular interest not only because it reflected the ideas of moderately conservative part of the Russian society but also for the reason that it had become the basis of the state construction of General A.I. Denikins government in the white South liberated from Bolsheviks in 1919.

Key words: Russia, V.V. Shoulgin, territorial system, national self-determination, autonomy, federation, capital city.

⁵⁴ Шульгин В. Четвёртая столица. *Quasi una fantasia* // Возрождение. 1927. 21 мая. С. 3.